

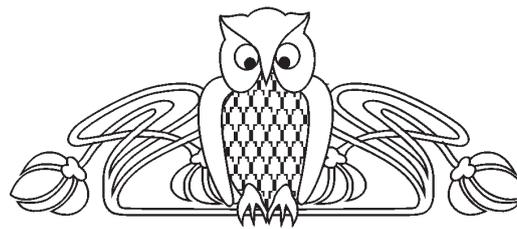

УДК 316.33

РИСК И БЕЗОПАСНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ: ЦЕННОСТНЫЙ АСПЕКТ

Конаков Дмитрий Николаевич

соискатель кафедры философии культуры и культурологии, начальник Управления международного сотрудничества и интернационализации, Саратовский государственный университет
E-mail: konakovdn@info.sgu.ru

В статье рассматривается проблема соотношения риска и безопасности в повседневном существовании и сознании современного человека. С позиций ценностного подхода автор выявляет взаимосвязь этих категорий, а также определяет предпосылки актуализации проблематики безопасности в современном дискурсе социальных и гуманитарных наук. В рамках принятого подхода рассматриваются типы безопасности в традиционном, модернистском и постмодернистском обществе. Безопасность является не столько объективной характеристикой человеческого бытия, сколько ценностной установкой, определяющей выбор стратегий человеческого поведения в условиях повышенной непредсказуемости и неопределенности. Становление общества риска является продуктом забвения безопасности в качестве фундаментальной основы человеческого бытия, но именно в обществе риска происходит возвращение этой ценности не только на ценностном, но и на институциональном уровнях.

Ключевые слова: риск, безопасность, ценности, общество риска, повседневное бытие.

В современном обществе риск становится неотъемлемым элементом повседневной жизни, превращаясь в универсальную характеристику, способную раскрыть суть современного существования человека. С этим обстоятельством связано активное использование понятия «риск» и других терминов, производных от него, в современной экономической теории и в психологии. В этих дисциплинах ставится вопрос о снижении уровня рисков и об их допустимом уровне, что переводит вопрос исследования рискогенных факторов человеческого существования в плоскость вычислений и статистики.

В рамках социальной философии, обратившейся к исследованию рисков в 1980-е гг., было выработано несколько подходов, которые принято делить на *реалистические* и *конструктивистские*. Первые, по сути, отождествляли риски с опасностью, рассматривая их в качестве объективных, независимых от человеческого восприятия угроз существованию человека и общества. Вторые акцентировали внимание на той культурной опосредованности, без которой невозможно существование рисков. Иначе говоря, риски не только существуют объективно, необходим еще факт восприятия их людьми в ка-

честве факторов, способных оказать негативное влияние на повседневное существование.

Необходимо учитывать, что «конструктивизм» в названии подхода может трактоваться двояко. Английский антрополог и философ М. Дуглас предпочитала видеть в конструировании рисков свойство человеческого сознания, сталкивающегося с ситуациями неопределенности и вынужденного осмысливать их в тех ментальных координатах, которые выработаны в соответствующей культуре [1, с. 245]. Но особую общественную популярность приобрела другая разновидность конструктивизма, стремившаяся подчеркнуть «иллюзорный», «искусственный» характер рисков, создаваемых посредством манипуляций общественным мнением. В данном случае, на наш взгляд, необходимо различать собственно явление, которое должно стать предметом анализа, и те политические репрезентации, которое оно приобретает в процессе погружения в современное коммуникационное пространство. Оставляя второй аспект исследования конструктивистских оснований риска политологам и социологам, очевидно, будет правильно сосредоточиться на антропологическом аспекте данного феномена, а именно – укорененности рисков, факторов их порождения и стратегий преодоления в повседневных практиках человека.

Методологическим основанием исследования, позволяющим обратиться к анализу риска в контексте ценностных оснований человеческого существования, является, на наш взгляд, концепция английского социального мыслителя Э. Гидденса, обращаясь к изучению рискологической проблематики через призму целого ряда концептов – структуриации, системы релевантностей и т.д. [2, с. 108–110]. В своих работах он рассматривает риск в качестве элемента мировоззрения, отчетливо проявляющегося в тот момент, когда модернизирующийся социум начинает прощаться с теми концепциями, которые увязывали индивидуальные действия человека с космическим порядком (например, судьбой, роком). Проникновение рисков в сферу

повседневной деятельности человека Гидденс связывает с возникновением страхования, которое занялось колонизацией будущего, пытаясь обеспечить относительную предсказуемость реакции на поведение человека в том мире, где любые метафизические основания уже были устранены. «Вторжение абстрактных систем в повседневную жизнь вкупе с динамичной природой знания означает, что осознание риска проникает в деятельность практически каждого человека» [2, с. 110]. Обоснование этому находится в феноменологическом анализе хронологических параметров жизнедеятельности.

Временную ткань человеческого существования составляют два непохожих друг на друга элемента – роковые моменты (время принятия решений, определяющих выбор определенной жизненной траектории) либо то время, которое принято называть «убитым». Это время рутины, повседневного существования, разрываемого в определенные моменты роковыми ситуациями. Если в традиционном обществе роковые ситуации находились в ведении судьбы, т.е. их существование оказывалось вписано в естественный порядок вещей, то с отказом от метафизической фаталистичности выбор роковых моментов оказался делом рук самого индивида. Тем самым ситуации риска обнаруживают высокую степень ответственности за принятие правильного решения и, соответственно, меру наказания в том случае, если решение было принято неправильно.

Под безопасностью в таком случае может пониматься «конфиденциальность или доверие, которые являют собою природный и социальный миры, включая базовые экзистенциальные параметры самости и социальной идентичности» [3, с. 499]. Иначе говоря, безопасность представляет собой уверенность индивида в устойчивости окружающего порядка (социального и природного), а также соответствие определенных реакций со стороны окружающего мира человеческим ожиданиям. Парадоксальным является то, что безопасность не означает полного отсутствия опасностей, а подразумевает их восприятие как естественную реакцию мирового порядка на отклоняющееся поведение самого индивида (по принципу «если бы я делал все правильно, то ничего вообще бы не случилось»).

Выходя за пределы собственно концепции Э. Гидденса, можно проследить динамику трансформации безопасности в качестве той ценностной характеристики, которая неизменно присутствовала в ментальном инструментарии человека.

1. Традиционное общество: ощущение безопасности достигается за счет апелляции к роли судьбы («фортуны») в жизни каждого человека.

Ситуации риска оказываются «опривычены», включены в естественный распорядок жизни, поэтому традиционное сознание чувствует себя защищенным.

2. Модернистское общество: доверие к абстрактным системам (прогресс как увеличение степени свободы, демократические институты как механизмы достижения максимальной свободы, соответственно, факторы обеспечения безопасности).

3. Постмодернистское общество: усиливающаяся рефлексивность и индивидуализация приводят к поиску новых оснований для обеспечения безопасности. По крайней мере, в переходном этапе таким способом становится создание дублирующих систем контроля, которые способствуют «обживанию» риска, приведению его к приемлемому уровню соответствия человеческим ожиданиям.

«Общество риска», трактуемое немецким социологом У. Бекком в качестве базового концепта, описывающего динамику современного социального развития, становится не случайным тупиком цивилизационного процесса, а закономерным следствием тех ценностных установок, которые определяли суть европейской модернизации. Можно констатировать, что модернизация в сфере экономики и техники оказалась во многом обусловлена рационализаторской мыслью эпохи Просвещения.

Именно в XVIII в. были сформулированы ценности прогресса как универсальное обоснование уменьшения рисков в повседневном существовании человека. Деятельность демократических институтов по увеличению степени индивидуальной свободы и созданию социальных процедур, обеспечивающих предсказуемость в человеческих отношениях, должна была способствовать минимизации опасностей для человеческой жизни если не в настоящем, то в относительно недалеком будущем. Именно так достигалась рутинизация повседневного бытия человека, вырабатывалась система релевантностей, в соответствии с которой любые риски выступали порождением индивидуальных траекторий отхождения от того маршрута, который намечен в развитии общечеловеческой цивилизации.

Абстрактные системы (система денежного кругооборота, деятельность демократических институтов управления), основы которых были заложены в просвещенческом мировоззрении, в усложняющемся и глобализирующемся социуме перестают соответствовать ожиданиям потребителей. Неэффективность абстрактных систем в новых условиях функционирования вызывает кризис доверия, который оказывается осязательным

в силу того, что данные системы позиционировались как оптимальные средства минимизации угроз для человеческого существования, а также как проявление универсальных ценностей, свойственных не только западноевропейскому обществу, но и всему человечеству в целом. «Именно доверие к абстрактным системам выполняет важнейшую функцию в обществе позднего модерна, обеспечивая ощущение относительной безопасности повседневных отношений. Но могут возникнуть обстоятельства, при которых доверие отсутствует, возникает недоверие и чувство онтологической безопасности с присущей ему рутинизацией существенно трансформируется. В отношении абстрактных систем недоверие означает определенную долю скептицизма или проведение активной ревизии знаний о мире, т.е. это явление рефлексивности, которое присуще современности» [4, с. 37].

В качестве причин такого недоверия Гидденс выделяет как усложнение форм социального взаимодействия, так и формирование новых видов риска, например, риски событий со значительными последствиями [2, с. 117]. Под такими рисками понимаются опасности, обладающие «отложенным» действием, т.е. такие угрозы, последствия которых практически невозможно подсчитать. С одной стороны, в средствах массовой информации часто встречается информация о риске радиоактивного заражения в результате аварий на атомных электростанциях. Вместе с тем Гидденс задается вполне резонным вопросом относительно того, насколько этот риск, в силу достаточной временной удаленности и малой очевидности его последствий, становится элементом повседневного мышления человека и, соответственно, фактором изменения его повседневных практик.

Современное социальное пространство структурировано намного сложнее, нежели предусматривали сложившиеся в модернистском обществе абстрактные системы. Они оказываются не в состоянии учесть целый ряд факторов, связанных, прежде всего, с дроблением социального порядка, который диктовался модернистским обществом, и с формированием новых ценностных установок. Разрушенной оказывается вера в неизбежность того пути, который демонстрировала западноевропейская цивилизация. «Слепая вера в научно-технический прогресс и западную демократию, в их способность решить любые проблемы общества в конечном итоге оборачивается дорогой в никуда и забвением культурного своеобразия своей страны. Если страна пытается найти собственный путь в общем потоке обновления, в так называемом мейнстриме, то поиски оборачиваются приостановкой, задерж-

кой в пути, а потом и отставанием» [5, с. 31]. Следовательно, утрачивается доверие к ментальному обоснованию, объясняющему угрозы и опасности для человеческого существования несоответствием действий индивида тому сценарию, который предполагался для цивилизации в целом. Ощущение постоянной рискованности современного существования является следствием исчезновения устойчивой системы релевантностей, сложившейся в обществе модерна. Отныне человек утрачивает гарантии того, что существующие абстрактные системы обладают возможностями нейтрализации рисков, что порождает стремление к созданию дублирующих систем контроля.

На смену легитимированным системам социального страхования приходит поиск новых коллективных субъектов, способных взять на себя ответственность за выработку оснований обеспечения безопасности. Можно констатировать, что процесс таких поисков еще далек от завершения, т.е. в повседневном существовании человека по-прежнему большую роль играет осознание потенциальной рискогенности совершаемых им действий.

Таким образом, общество риска – это общество утраты доверия к тем абстрактным системам, которые воспринимались человеком на протяжении последних столетий в качестве гарантов спокойствия и безопасности. Процедуры принятия решений, которые считались максимально эффективными, в настоящее время подвергаются сомнению. В своем повседневном бытии человек не чувствует себя успокоенным в силу осознания малой продуктивности в современных условиях социальных технологий, воспроизводящих его систему релевантностей в модернизирующемся обществе.

Следствие ценностного кризиса – не только актуализация темы безопасности в общественном сознании, которая начинает постепенно становится ценностной доминантой современного человека, но и отчетливое стремление перенести разрешение данной проблемы исключительно в институциональную плоскость [6]. Основным способом институализированного ответа на потребности современного человечества в безопасности является ужесточение контроля и стремление к максимальной регламентации тех действий и ситуаций, которые могут спровоцировать угрозы существования отдельного человека или целого сообщества. Примером институализации безопасности является реакция США и ряда других стран на террористические акты, когда в жертву безопасности были принесены ценности свободы и демократии, до того не подвергавшиеся сомнению.

Такой ответ способен уменьшить степень угроз человеческой жизни, но при этом он не аннулирует рискогенность самого человеческого сознания, порождаемую невозможностью рутинизировать те ситуации, в которые погружен современный человек. Ответ находится в ценностной плоскости, а именно – в формировании или проявлении тех ценностей, которые позволят обеспечить готовность человеческого сознания к восприятию факторов угрозы и придать им объяснение на уровне повседневного существования.

Можно подвести итоги, конкретизировав те выводы, к которым удалось прийти в процессе социально-философского анализа ценностных оснований риска и безопасности. Обращение к данным категориям заставляет отказаться от крайностей сугубо реалистического или, наоборот, конструктивистского подхода к рискогенным аспектам современной социальной действительности. В качестве методологического анализа используется социально-философская концепция Э. Гидденса, опирающаяся на рассмотрение рискологической проблематики посредством категорий «структурация», «система релевантностей», «рефлексивность». Данный подход позволяет выявить предпосылки становления тематики риска в ценностной структуре человеческого бытия.

Э. Гидденс обращает внимание на рутинизацию как естественный процесс, позволяющий выработать стратегию приспособления индивида к негативному воздействию и обеспечить личностное ощущение безопасности. Но если сам механизм рутинизации остается неизменным, то его содержание оказывается социокультурно обусловленным, что позволяет выявить различные

стадии постепенного развития безопасности как ценности человеческого существования. С этой позиции возникновение рискологической проблематики становится симптомом деконструкции ценностного инструментария, которым обладал человек эпохи модерна. Нарушаются механизмы рутинизации, поскольку человек утрачивает доверие к ценностям, обуславливающим его внутреннее спокойствие, уверенность в предсказуемости собственных действий и реакций на них со стороны институализированных социальных структур. В обществе риска утрачены иллюзии, касающиеся безостановочного технологического и антропологического прогресса, а на смену ценностям свободы и автономности гражданского субъекта приходит стремление к безопасности и осознание неразрывности своей судьбы с судьбами той социальной и политической общности, к которой принадлежит человек.

Список литературы

1. Дуглас М. Риск как судебный механизм // THESIS. 1994. № 5. С. 240–248.
2. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // THESIS. 1994. № 5. С. 107–133.
3. Гидденс Э. Устроение общества : очерк теории структуризации / пер. с англ. М., 2005. 528 с.
4. Елфимова О. С. Безопасность и риск как ключевые черты современности // Риски и безопасность в интенсивно меняющемся мире. Прага, 2013. С. 36–40.
5. Бутенко Н. А. К проблеме глобализационных рисков в системе междивизиационных отношений // Риски и безопасность в интенсивно меняющемся мире. Прага, 2013. С. 28–33.
6. Волкова Н. Г., Барышков В. П. Безопасная динамика нестабильности // Цивилизационный кризис и национальная безопасность России. Саратов, 2007. С. 3–13.

Risk and Safety in a Modern Social and Philosophical Discourse: Valuable Aspect

D. N. Konakov

Saratov State University
83, Astrakhanskaya, Saratov, 410012, Russia
E-mail: konakovdn@info.sgu.ru

In article the problem of a ratio of risk and safety in daily existence and consciousness of the modern person is considered. From positions of valuable approach the author reveals interrelation of these categories, and also defines preconditions of updating of a perspective of safety in a modern discourse social and the humanities. Within the accepted approach safety types in traditional, modernist and post-modernist society are considered. Safety acts not so much as the objective characteristic of human life, how many the valuable installation defining a choice of strategy of human behavior in the conditions of increased unpredictability and uncertainty. Formation of society of risk is a product of oblivion of safety as a fundamental basis of human life, but in the society of risk there is a return of this value not only on valuable, but also at institutional level.

Key words: risk, safety, values, risk society, daily life.

References

1. Douglas M. Risk as a forensic resource. *Daedulus*, 1990, vol. 119, no. 4, pp. 35–42 (Russ. ed.: Risk kak sudeb-

- nyu mekhanizm. *THESIS*, 1994, no. 5, pp. 240–248).
2. Giddens A. Fate, risk and security. Giddens A. *Modernity and self-identity: self and society in the late modern age*. Cambridge, 1991, pp. 109–143 (Russ. ed.: Судба,

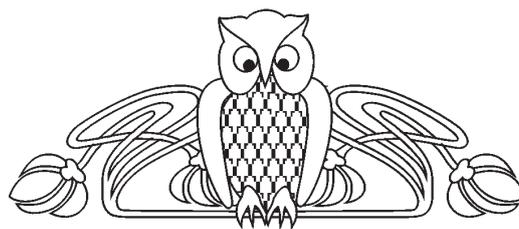
- risk i bezopasnost. *THESIS*, 1994, no. 5, pp. 107–133).
- Giddens A. *The constitution of society. Outline of the theory of structuration*. Cambridge, 1984. 507 p. (Russ. ed.: *Ustroeniye obshchestva: ocherk teorii strukturatsii*. Moscow, 2005. 528 p.).
 - Elfimova O. S. *Bezopasnost i risk kak klyuchevyye cherty sovremennosti (Safety and risk as key lines of the present)*. *Riski i bezopasnost v intensivno menyayushchemsya mire (Risks and safety in intensively changing world)*. Prague, 2013, pp. 28–33.
 - Butenko N. A. *K probleme globalizatsionnykh riskov v sisteme mezhtsivilizatsionnykh otnosheniy (To a problem of globalization risks in system of the intercivilization relations)*. *Riski i bezopasnost v intensivno menyayushchemsya mire (Risks and safety in intensively changing world)*. Prague, 2013, pp. 36–40.
 - Volkova N. G., Baryshkov V. P. *Bezopasnaya dinamika nestabilnosti. Tsvivilizatsionnyy krizis i natsionalnaya bezopasnost Rossii (Civilization crisis and national security of Russia)*. Saratov, 2007, pp. 3–13.

УДК 111

ЦИВИЛИЗАЦИЯ И МЕТАФИЗИКА

Маркелов Никита Михайлович

аспирант кафедры теологии и религиоведения,
Саратовский государственный университет
E-mail: septchord@gmail.com

Статья посвящена попытке пролить свет на культовые основания цивилизации Запада и обнаружить причины особенностей становления последней в иудео-христианской метафизике. Анализ проблемы начинается с обоснования мысли отца Павла Флоренского о том, что всякая культура не только этимологически, но и генетически происходит из некоего культа. Отсюда делается вывод, что непосредственным культовым истоком западной цивилизации является та из ветвей раннего христианства, которая впоследствии, заключив союз с римской властью, назвала себя «Вселенской Кафолической Церковью» и объявила все прочие раннехристианские школы ересями. Далее проводится краткий анализ метафизического ядра данной традиции с целью обнаружить в нем те фундаментальные установки и нарративы, которые потом являли себя во всей культуре Запада, в том числе и в светской, и даже в антирелигиозной. Главный вывод работы заключается в том, что произошедшая с Западом тотальная десаκραлизация действительности имеет причиной своеобразие сочетания метафизики Благой вести с иудейской метафизикой, здесь же надлежит искать причины особенностей всей западной культуры.

Ключевые слова: метафизика, культ, западная цивилизация, язык.

Всякий раз, когда мы прибегаем к мышлению историческому, т.е. начинаем усматривать некие закономерности среди доступных нам фактов существования народов и цивилизации в некоем по отношению к нам «прошедшем», мы так же неизбежно начинаем искать взаимосвязи и всяческие сообразности различных аспектов этой якобы ушедшей реальности друг с другом. При этом мы, сами того не замечая, всегда пытаемся привести эти прежние человеческие реалии в соответствие с неким конституирующим наше историческое мышление принципом. Так появляются многие смежные с историей дисциплины, одной из которых можно считать и

историю философии, которая ни в коем случае не ограничивается простой трансляцией учений великих мыслителей, даже вместе с сопутствующими им интерпретационными шлейфами. История философии не ограничивается, разумеется, и культурологическим аспектом, непременно связующим того или иного философа с соответствующей культурной средой. У одного из своих пределов история философии всегда обращается историей мирозерцания или – и здесь такой синонимический ряд вполне допустим – историей онтологии, историей метафизики. Однако любое радикальное изменение, случающиеся с так-то созерцающим мир народом всегда связано с пересмотром отношения к собственному мышлению, в том числе и фундаментальному. Когда философия перестала соответствовать критериям подлинной мысли, появилась метафизика. Но и метафизическому мышлению суждено было дискредитировать себя.

На определенной вехе своего становления цивилизация Запада зафиксировала свою продолжающуюся десакрализацию в явлении философского языка, называемом критикой метафизики. Попытка добраться до генетических оснований этого явления с неизбежностью приводит нас к метафизике, которая обнаруживается где-то у истоков рассматриваемой цивилизации и языкового поля ее, развивавшегося по заданному, в том числе метафизикой, сценарию. Эти истоки имеют ряд отличительных особенностей, как и цивилизация Запада, в сравнениях с иными известными нам ликами исторических культур. Вспоминая некоторых исследователей, феноменологов, социологов, таких как